Российская тюркология

№ 2(11) 2014

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ЧЕРТ В ЯЗЫКАХ ДРЕВНЕ- И СРЕДНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ*

И.В. Кормушин, г. Москва

Резюме. В статье обсуждается сложная проблема отражения в древнем литературном койне элементов иной диалектной основы, прежде всего, в большой группе памятников рунического письма – орхонских и енисейских.

Ключевые слова: древнетюркская эпоха, древние диалекты, койне, диалектное членение, письменная традиция

Древнетюркская письменная эпоха по меркам всемирной истории относится к эпохе раннего средневековья, продолжавшейся с V по XI вв. н.э. Правда, первые письменные памятники тюркской речи относятся к VII–VIII вв., тогда как концом древнетюркской письменной эпохи российская тюркологическая наука считает XII–XIII вв. [ДТС: VI], когда в результате мощного монгольского завоевательного движения значительной перестройке подверглось культурное и политическое пространство тех частей Центральной и Средней Азии и Восточной Европы, где наряду с другими народами обитали многие тюркоязычные племена.

Важнейшей чертой древнетюркской письменной эпохи является использование единого в своей основе древнетюркского литературного языка. Из соотношения множества изученных древнетюркских памятников предыстория становления древнетюркского литературного языка реконструируется приблизительно так.

Первое диалектное членение общесемейного (прототюркского) языка на два ствола – ротацирующий протобулгарский и зетацирующий протоуйгуротюркский, произошло не позднее (а по-моему, гораздо ранее) III в. до н.э.

Через 500–800 лет после этого небулгарский ствол делится на две большие ветви – западную (прототюркско-кыпчакскую) и восточную (протоуйгурскую).

Дальнейшее членение каждой из ветвей на северную и южную подгруппы происходило в пределах второй половины первого тысячелетия н.э.

Иными словами, на момент создания первых тюркоязычных письменных памятников диалектное размежевание на основные группы в языках тюркской семьи уже существовало не менее 3–4 столетий. И только в одной из этих групп – в восточной (протоуйгурской), еще в дописьменную эпоху начинают складываться нормированные формы речи, которые со временем используются другими диалектами в качестве койне, или общего (наддиалектного) литературного языка. Наречия других групп вносят в койне свои лексические и грамматические элементы, устойчивые речения, усиливая его наддиалектный характер.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00442.

Некоторую запутанность в историю древнетюркского литературного языка, особенно на ранних этапах его изучения, вносит то обстоятельство, что первые из дошедших до нас письменных памятников, так называемые орхонские, создавались не коренными носителями основ койне – представителями восточной диалектной группы, а напротив, представителями западной диалектной группы, господствующими кланами Второго Восточнотюркского каганата – тюрками (в узком этническом смысле). Как стало понятно позднее, в языке орхонских текстов отразились некоторые фонетические, морфологические и синтаксические особенности именно тюркской (прототурецко-туркменской) речи, спаянной с речью уйгурского диалектного типа.

Такие строевые черты языка орхоники, как начальный b-, редкие слова со срединным -j- на фоне тотального присутствия его уйгурского соответствия -d-, будущее на -dačï, отражают немногочисленные тюркские особенности.

Тогда как срединный -d-, начальный m- в тех словах, что не заместились тюркским b-, будущее на -γaj демонстрируют господствующий в койне уйгурский лингвотип.

Представляется, что в гораздо большей степени, чем строевыми чертами, язык орхонских памятников наполнен специфически тюркскими лексемами, выявление которых, впрочем, требует скрупулезного лексико-семантического компаративного анализа.

Орхонскими нередко расширительно называют все рунические тюркоязычные памятники с территории Монголии, объединяя вместе памятникаи II Восточнотюркского каганата (конец VII – пер. пол. VIII вв.) с памятниками уже иной эпохи – Уйгурского каганата (втор. пол. VIII – пер.пол. IX вв). Иногда можно называть эти две группы памятников отюкено-тюркскими и отюкено-уйгурскими, с тем лишь добавлением, что нахождение памятников обеих групп не ограничивалось древним Отюкеном (совр. Хангай), но распространялось на ближние и дальние подступы к центру этих, сменивших друг друга государственных образований. Главное же, что из этих двух немного различающихся литературных языков только уйгурская языковая традиция имела полнокровное продолжение в древнеуйгурских памятниках Восточного Туркестана, а затем и в произведениях караханидской эпохи.

Значительный интерес с точки зрения отражения в древнем литературном койне элементов иной диалектной основы имеет большая группа памятников рунического письма, называемых енисейскими. По политической привязке они относятся к государству древних (енисейских) кыркызов (кыргызов), существовавшему с VI по X/XI вв. на территории Минусинской котловины, а в период экспансии этого государства – в более широких границах с выходом на территории Тувы и прилегающих к Туве регионов Монголии.

В соответствии с общепринятым в лингвистике подходом к койне как постоянно обновляющемуся сплаву разнодиалектных языковых составляющих, мы можем предугадать (а в последнее время действительно удостоверяем) наличие в енисейских текстах

1) киргизских элементов, т.е. элементов южно-алтайского и северо-киргизского лингвотипа, напластовавшихся на историческую уйгурскую основу койне (это единичные формы с инлаутным -j-, отдельные лексемы);

2) тувинских элементов, – только отдельные лексемы (в отношении инлаутного -j- тувинский совпадает с древнетюркским);

3) отдельных специфических лексических элементов.

Анализ на «чужеродность» или, лучше сказать, на инодиалектность отдельных лексем – вещь довольно сложная сама по себе, может еще осложняться перекрестными заимствованиями из диалекта в диалект, причем как через посредство литературного языка, так и без такового посредства.

Например. Слово *qunčuj* заимствовано из китайского языка, где оно значило ʻпринцесса, младшая родственница императорского домаʼ. Оно вошло в язык и уйгуров, и тюрков, но, видимо, в тюркском оно стало принимать значение ʻсупруги (правителя)ʼ в связи с особой политикой китайского правительства одаривать тюркских правителей женами-принцессами, все считавшимися дочерьми китайского императора, что ставило тюркского правителя в положение зятя-сына императора, т.е. заведомо на ступень ниже. Затем это слово, скорее всего, из тюркского входит в древнекыркызский литературный язык уже к началу VIII в., – мы удостоверяем это по тексту надписи в честь Кюль-тегина. Следующий этап – слово *кунчуй* входит в древнетувинский язык, что мы удостоверяем показаниями современных тувинского и тофаларского языков, где оно имеет своеобразное значение ʻсвекровьʼ и выступает в паре с *бег* ʻсвекорʼ. Семантика обоих этих слов показывает особое их развитие в топаских диалектах, каким-то образом связанное с более высоким социальным статусом родителей мужа по отношению к тувинской родне жены.

Но вот еще одно слово енисейских надписей – хронологически более поздний синоним *кунчуй* – слово *эбчи*, по внутренней форме означающее ʻхозяйка домаʼ. По происхождению мотивирующее слово *эб* может быть как уйгурским, так и тюркским. Только производное *эбчи* перешло в древнекыркызский литературный язык (поскольку слово ʻдомʼ в киргизском – *үй*, связано с другой линией развития этого же слова), а из древнекыркызского оно попало и в хакасский, и в тувинский (где по тем же причинам, что и в киргизском, не может считаться автохтонным). Из соотношения коннотаций этого слова: в хакасском – положительная, в тувинском – отрицательная, можно думать, что это отражает какие-то социальные межэтнические отношения федератов древнекыргызского государства.

Приведенные примеры только в малой, можно сказать, ничтожной степени приоткрывают завесу формирования диалектов современных языков. Всегда нужно помнить, что это процесс многовекторный и разнонаправленный. С другой стороны, это процесс нескончаемого, постоянного обновления и взаимообогащения как диалектов внутри данного языка, так и в целом данного национального языка в его различных ипостасях системы диалектов, общенародного разговорного и литературного языков – как с родственными, так и неродственными языками. Каждая из указанных форм языка в каждый отдельный момент истории и устойчива, и несет в себе следы былой неустойчивости, движения, т.е. следы своей, не всегда простой и однозначной истории.

***Kormushin I.V.*, Problems to distinguish dialectal features in the language of Old and Middle Turkic written monuments**

Summary. The article discusses a very complicated problem of reflection of dialectal elements in the language of the ancient literary *koine*, first of all, in the big group of written monuments in the Old Turkic runic writing – the Orkhon and Yenisei ones.

Key words: Old Turkic époque, ancient dialects, *koine*, dialectal stratification, written tradition